

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ

«РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»

Публикация П. Г. Рындзюнского

В период общественного подъема пятидесятых-шестидесятых годов борьба за свободу совести, против духовного порабощения народа религией органически входила в программу русской революционной демократии. В церкви она справедливо видела порождение крепостнического строя и вместе с тем — его защитницу. Понимание того, какое громадное общественно-политическое значение имело просвещение народа, также побуждало передовую интеллигенцию к активным выступлениям, направленным на разоблачение церковников как врагов науки и на распространение знаний в народе. Тема обличения реакционной роли церкви представлена в литературном наследии почти каждого демократического писателя и общественного деятеля середины XIX века, у некоторых из них она стала главной темой публицистической деятельности (И. Г. Прыжов, И. А. Худяков и др.). Публикуемый здесь, по рукописи «софийской коллекции», «Разбор» книги «Описание сельского духовенства» целиком посвящен этой теме и потому вполне типичен для своего времени. Являясь одним из наиболее ранних атеистических сочинений в литературе разночинского периода, он выделяется своим радикализмом и боевым духом.

Автором анонимно изданной за границей книги «Описание сельского духовенства», подвергнувшейся критическому разбору в печатаемой нами рукописи, был известный в свое время священник Иван Степанович *Белюстин* (или *Беллюстин*, 1820—1890), автор ряда сочинений по так называемым церковно-общественным вопросам. Вскоре после своего выхода в свет, книга Белюстина о сельском духовенстве стала предметом оживленной дискуссии, несмотря на то, что она была запрещена в России. В этой дискуссии обсуждению подверглись вопросы, относящиеся к общественной роли русского духовенства, преимущественно низших его рангов, о том — приносит ли это сословие какую-нибудь пользу обществу и оправдывает ли оно те средства, которые идут на его содержание.

Белюстин отвечал на эти вопросы отрицательно. Обосновывая и иллюстрируя свои отрицательные суждения, он дал уничтожающую характеристику духовенству, показал во всей неприглядности чрезвычайно низкий моральный, интеллектуальный и бытовой облик служителей церкви.

Разумеется, книга «Описание сельского духовенства» была крайне враждебно встречена верхами официальной церкви в России. В качестве контрмеры церковники издали в Берлине в 1859 г. книгу «Русское духовенство», а в России — книгу «Мысли светского человека о книге „Описание сельского духовенства“» (СПб., 1859), содержавшие самые резкие отзывы о Белюстине и о его сочинении. За этим выступлением последовали другие. Во главе гонителей крамольного священника стал митрополит московский Филарет и надзирательные органы синода; против него ополчилась и церковная цензура, о чем вспоминал сам Белюстин в автобиографии (С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. VI. СПб., 1897, стр. 430—431).

Однако основные положения книги Белюстина не могли быть приняты и представителями демократического лагеря.

Белюстин более всего был озабочен тем, чтобы восстановить пошатнувшиеся позиции церковников, поднять и укрепить их авторитет в народной среде. Он возражал поэтому против всех предложений, которые могли привести к слишком тесному сближению быта сельских церковнослужителей с крестьянским бытом. Главным средством для исправления существующего положения Белюстин считал реформу семинарского образования, конечно, не с точки зрения содержания, а лишь с точки зрения методов преподавания. Разумеется, он был сторонником религиозного воспитания народа и усиления влияния церковников на народ. Характерно, что выступление Белюстина было

поддержано таким консерватором, как М. П. Погодин. Это было в период его сочувствия умеренно-либеральным реформам. Именно при содействии Погодина книга была завершена и опубликована за границей (см. «Русский вестник», 1859, № 5, Современная летопись, стр. 44). По основной своей направленности «Описание сельского духовенства» примыкает к ряду других выступлений сторонников буржуазных реформ, которые в годы революционной ситуации почувствовали необходимость некоторых изменений в существующих порядках.

Когда, уже в пореформенное время, о книге Белюстина можно было говорить открыто, она получила самый одобрительный отзыв в буржуазно-либеральном «Вестнике Европы» (1871, № 4, стр. 910—911), а последующие работы этого же автора одобрялись даже в церковном журнале «Странник» (1871, т. I, стр. 85—107).

Но в книге Белюстина имела большой и красочно поданный материал, разоблачавший служителей церкви, который не вязался с умеренными взглядами автора. Именно эта главная особенность книги Белюстина обусловила ее популярность среди прогрессивно мыслящих современников. Некоторые страницы ее написаны столь ярко и остро, что до известной степени оправдывали то прозвище «духовного Щедрина», которое получил Белюстин в разгар полемики от обер-прокурора синода.

В «Описании сельского духовенства» дается чрезвычайно резкая характеристика семинариста, закончившего курс обучения, и рассказывается о разного рода беззакониях, с которыми связано его поступление на службу,— беззакониях, обличающих своекорыстие и беспринципность церковников. Самыми отрицательными чертами наделяются деревенские священники, а в особенности причетники: дьяконы, дьячки и пономари — их дикое невежество и жадность. Описание того, как церковники отправляют требы в крестьянских избах и собирают очередные даяния «по приходу», сделаны Белюстиным с силой, равной лучшим образцам современной ему литературы обличительно-демократического направления.

В «Описании сельского духовенства» ярко проявилось недовольство служителей церкви низших разрядов духовенством высших степеней, и сановники церкви, в особенности из черного духовенства, получили там самую не лестную характеристику.

Говоря о бедности крестьян и об их слабом духовном развитии, Белюстин не раз указывает на прямых виновников этого — помещиков, которые грабят и притесняют крестьян. Он откровенно говорит о том, с каким презрением и недружелюбием относятся крестьяне, народ ко всем служителям церкви, как они пренебрегают религией. Аналогичные темы, в той мере, в какой это можно было сделать в легальной литературе, затрагивались в русской демократической публицистике (см., например, «Отечественные записки», 1858, № 5, Современная хроника России, стр. 13—15).

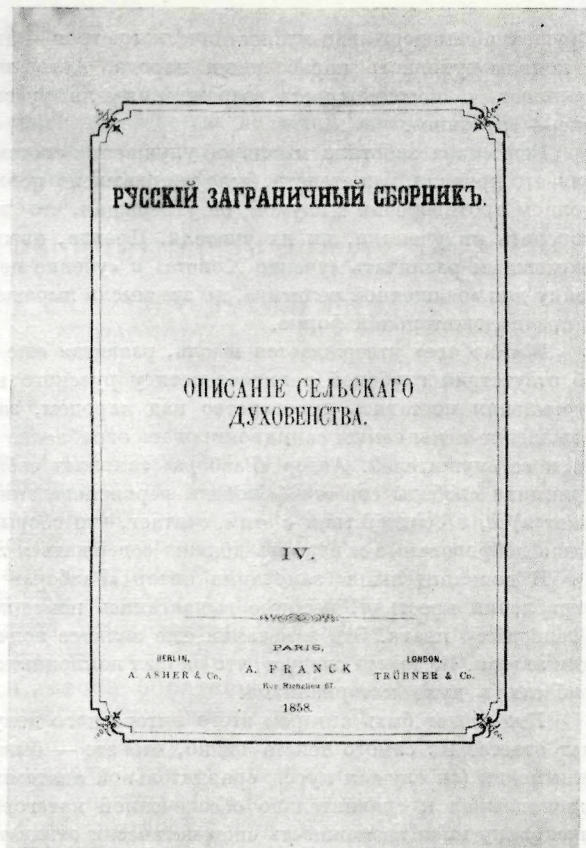
Несмотря на запрещение, «Описание сельского духовенства» стало широко известно в России, в особенности среди учащейся молодежи. Как с горечью отмечали анонимные авторы упомянутой выше официальной книги «Русское духовенство», сочинение Белюстина появилось в России «неизвестным путем во множестве экземпляров», в чем они, не без основания, усматривали один из признаков широкого распространения вольномыслия в различных кругах русской общественности («Русское духовенство». Введение. Берлин, 1859, стр. XII). Из записи в дневнике А. В. Никитенко видно, что уже в год своего выхода в свет книга Белюстина волновала умы учащейся молодежи в Петербурге, в частности студентов духовной академии. Открыто ими выраженное недовольство системой обучения в академии началось объясняло влиянием этой книги (А. В. Никитенко. Дневник, т. II, М., 1955, стр. 38).

Разумеется, что прямые отклики на книгу Белюстина со стороны революционно-демократического лагеря не могли проникать в русскую легальную печать. В «Современнике» были помещены две статьи Н. А. Добролюбова, посвященные критическому разбору книг, изданных в опровержение книги Белюстина, в защиту позиций официальной церкви: «Мнение светского человека о книге „Описание сельского духовенства“» («Современник», 1859, № 6, стр. 340—344. См. «Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова в шести томах», т. IV, стр. 343—347) и «Заграничные прения о положении русского духовенства» («Современник», 1860, № 3, отд. 2, стр. 1—18; см. «Полное собрание сочинений Добролюбова». Цит. изд., т. IV, стр. 237—252). Несмотря на то, что

КНИГА И. С. БЕЛЮСТИНА
«ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО
ДУХОВЕНСТВА»

Анонимное заграничное
издание, 1888 г.

Титульный лист

в этих статьях разбирались книги противников Белюстина, фактически речь в них шла и о книге «Описание сельского духовенства». Добролюбов знакомил с ней русского читателя, хотя из осторожности должен был заявить, что сам он якобы ее не знает. Не одобряя основных исходных позиций Белюстина, Добролюбов вместе с тем брал его под свою защиту, опровергая доводы его реакционных критиков.

О книге «Описание сельского духовенства» нельзя было писать прямо в легальной печати, но рукописные отзывы на нее, очевидно, имелись, о чем свидетельствует публикуемый здесь «Разбор». Имя его автора нам неизвестно, но идейный его облик вырисовывается из самого текста рукописи. Это — представитель передовой молодежи, демократ, атеист; разбор книги о сельском духовенстве показывает в авторе страстное стремление к борьбе за материальное и духовное освобождение народа.

Автор «Разбора» отдаст должное Белюстину за его яркие обличения «низости и подлости» духовенства. Но основная задача рецензента другая, остро критическая: вскрыть подлинную пель, которую преследовал Белюстин своей книгой, — цель реформатора, озабоченного судьбой своего сословия — духовенства — и стремящегося не ослабить, а, наоборот, укрепить влияние религии на народ. В «Разборе» раскрывается непоследовательность Белюстина; его позиции противопоставляются революционно-демократические взгляды на вопросы церкви и религии.

В противоположность Белюстину, его критик видит главную причину упадка церкви и религии не в плохой постановке преподавания церковных дисциплин. Он усматривает эту причину в успехах просвещения, в достижениях общественного прогресса и уверен в необратимости процесса распада церкви.

Автор «Разбора» стоит на просветительских позициях. В своей критике он, разумеется, не мог еще раскрыть истинные социальные корни религии, но замечательна его мысль о связи религии и церкви со всей общественно-политической системой.

Крушение самодержавно-крепостнического строя — автор верит в его близость — будет и концом духовного порабощения народа. Автор публикуемого текста решительно заявляет о невозможности возрождения для русского духовенства: его разложение — «законно».

Белюстина заботила мысль об улучшении системы преподавания богословия, но для его критика, как атеиста, было неприемлемо церковное «учение», находящееся в полном противоречии с наукой; он утверждал, что в богословские предметы не могут поверить ни ученики, ни их учителя. Правда, автор «Разбора» как будто считал возможным различать «учение Христа» и «учение церкви» и тем самым оставлял лазейку для «очищенной религии», но эта мысль выражена в тексте очень кратко и лишь в предположительной форме.

В «Разборе» утверждается мысль, развитая еще в письме Белинского к Гоголю, об отсутствии глубокой религиозности у русского народа; выражен протест против стремления поставить духовенство над народом, закрепить его привилегированное положение и тем самым санкционировать ограбление народных средств в пользу церкви и ее служителей. Автор «Разбора» заявляет себя сторонником демократического принципа свободы совести («свободы вероисповеданий и убеждений» — как он выражается) и, в соответствии с этим, считает, что сборы на нужды церкви должны быть лишь добровольные и церковь должна содержаться лишь на средства верующих.

В дополнительном замечании автор «Разбора» высказывается против проектов ограбления крестьян, которые выдвигались помещиками в ходе подготовки отмены крепостного права. Эти замечания еще сильнее подчеркивают демократические позиции автора. Из текста следует, что он был поклонником Герцена и воспитывался на его работах в духе материализма.

Кто может быть автором этого интересного документа? — На этот вопрос у нас нет ответа. Из самого текста видно, что это — бывший студент, — очевидно, биолог или медик (он слушал курсы сравнительной анатомии и физиологии); он, как видно, принадлежал к сравнительно обеспеченной категории воспитанников университета, поскольку имел возможность систематически отдавать в переписку конспекты лекций и тем материально поддерживать семинаристов, занимавшихся этой работой. Общеизвестен подъем радикальных настроений среди студенчества в годы революционной ситуации, поэтому принадлежность этого текста недавнему студенту вполне вероятна; с этим согласуется и известная незрелость литературной формы «Разбора». Примечание о проектах, разбиравшихся в Харьковском дворянском комитете по освобождению крестьян, указывает, что у автора был особый интерес к делам Харьковской губернии и он был осведомлен в них (представители разных точек зрения имелись в комитетах всех губерний, где они были открыты). Это наталкивает на мысль о возможной принадлежности автора к кругу харьковских студентов, среди которых в пятидесятых годах происходило движение протеста. То, что известно о «Пасквильном комитете» или «Литературном обществе», созданных харьковскими студентами, а именно — знакомство их членов с эмигрантской литературой, повышенный их интерес к вопросам атеизма и освобождения крестьян, критическое реферирование выходящих из печати сочинений, — все это позволяет высказать предположение, что автора публикуемого «Разбора» книги Белюстина следует искать среди участников именно этих студенческих организаций. То обстоятельство, что год выхода книги (1858) и, возможно, год составления данной рецензии оказался критическим для революционно настроенного харьковского студенчества, когда существовавшие организации должны были закрыться, а их активные участники были репрессированы, — это обстоятельство не исключает того, что начатая работа продолжалась в иных организационных формах, и не только в Харькове, но и в других университетских городах, куда попадали бывшие харьковские студенты (см. Б. П. К о з ь м и н. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930). Один из доводов в пользу высказанного предположения мы усматриваем и в том, что рукопись «Разбора» сохранилась в непосредственном соседстве с бумагами, посланными издателем «Колокола» харьковскими студентами.

Как выражение взглядов молодого поколения русских революционеров середины XIX века публикуемый текст представляет большой интерес. Он свидетельствует о

широком распространении материалистического воззрения и о том, как в условиях общественного подъема революционно-демократическая публицистика умело сочетала пропаганду атеизма с широкими вопросами освободительного движения. Критический разбор книги «Описание сельского духовенства» является интересным эпизодом из истории борьбы развивающейся революционно-демократической мысли с буржуазным либерализмом в переломный период исторического развития России.

РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИК. IV. 1858

ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА (РАЗБОР)

I

Г-н А. Франк, в Париже, милостиво приглашающий всех верующих во Христа и законные власти участвовать в его сборнике, издал на днях книгу, заглавие которой мы выписали. Книга стоит того, чтоб о ней поговорить, чтобы раскрыть цель автора и досказать умолчанное им.

В книге не беллетристической, не строго ученой мы прежде всего ищем цель, с которой она написана, смотрим на нее как на памфлет. Какую же цель имеет наш духовный памфлетист? А вот увидим.

В то время как на Западе бесчисленные революции боролись с церковью, с старым верованием, как оно дробилось, гибло, возрождалось, переходило все оттенки и, снова обратившись в католическую грязь, стекало в старую яму догнывать под защитой св. отца, — церковь восточная оставалась спокойна и, повидимому, крепка; бороться с ней было невозможно, в вознаграждение сразу отнятой власти, она стала под защиту государства — смерть ее была решена. Становясь под эту защиту, церковь наша, с одной стороны, обеспечивала себя от нападений, с другой — осуждала себя на коснение, на уродство как следствие останковки развития. Осужденная на вечный покой, на рабство, она могла действовать в самой тесной мелкой среде, управляемая рукой царской, смысл ее утратился, и она, утрачивая влияние, вырождаясь, наконец до того ослабла, что не в состоянии скрывать своих пороков; у ней нет сил натянуть на себя свалившееся рубище, чтобы закрыть свои раны. С ней, грязной, голодной, никто не вступал в борьбу, ей бросали кусок хлеба и отходили прочь.

Но настает горячее время: то, что презирали, с чем мирились за его слабость — могут выбросить вон как ненужную вещь; настает расчет с наследьем, со всем давившим, кусавшим, заражавшим воздух — беда неминуемая и церкви — как быть! нужно выйти, нужно усилиться, иначе вековая добыча уйдет и последние жалкие крохи пойдут мимо рта. Где же взять силы? Что связывает руки, что поставило духовенство в такое жалкое положение? Невежество — от недостатка образования, неуважение народа — за невежество и рабскую ложь; недостаток времени для упорочивания влияния — за хлопотами о насущном хлебе. И вот наш иерей берет перо и ратует за свою братию, оправдывает ее пороки, силится поднять ее и расчистить поле будущей власти. Напрасный труд, св. отец; то, что потеряно вами, не возвратится, власти вашей конец — ваше царство уже не от мира сего! Человечество не создано вечно верить всяким нелепостям; ложь должна быть разоблачена, и те, которые выдавали ее за истину, погибнут как уличенные обманщики. Прошло то время, когда, приведя бога и царя к одному знаменателю, вы безнаказанно, систематически могли задурять человечество. Балаган ваш дал трещины, которые вы не в силах замазать, и человеку нет надобности врываться за кулисы, чтобы видеть веревки, которыми вы возносите разных духов. *«Человечеству, — сказал Гейне, — нужны блюда покуснее тела и крови христовой».*

Полноте же метить в отдаленную цель, мечты ваши не осуществляются. Огляните Европу, везде — где у человека есть хоть немного свободы — везде он тянет руку, чтобы пришибить вашего брата; не забудьте, что брат ваш сильнее вас, и успокойтесь — разложение ваше законно. А что оно идет так спокойно, что вы догнываете в забвенье — горя мало, и вам и другим спокойнее. Теперь вопрос уже не в том, должна ли церковь или нет, стоять под защитой государства и жить его средствами, а в том, должна ли она вообще жить, не вредное ли это наследье отцов. И не в том вопрос, какая должна быть церковь; будь она католическая, греческая, протестантская — она все церковь и требует средств, государство их не дает или дает мало — нужно искать мимо; каким путем? — единственным: путем неволи лица, основанной на обмане, который исключает всякое разумное развитие.

Наши ли это вопросы, — спросят многие, — таково положение Европы, но у нас... Успокойтесь, мы не далеко отстали. Мы не ратовали, правда, ни словом ни делом против нашей церкви, но мы крепили, когда она слаба; мы молча внимательно следили за борьбой на Западе и подбирали ее результаты, с ними мы обратились к своей церкви, которая, связанная по рукам и ногам, валялась в грязи. Мы осмотрели ее с ног до головы, без боязни, как смотрят на запертого в клетке зверя, высмотрели все раны, все слабые места, отвернулись от нее с отвращением — и все было кончено. Вырвется ли зверь из клетки, или нет — он уже не страшен, слабые места открыты, и свобода его ускорит только смерть. Трудно представить себе нацию, более свободную от предрассудков, легче разделяющуюся с старым и усваивающую новое — как русская; столкнувшись с Европой, она разом глотает то, что та разжевывала десятки лет, годами переживает века. Представьте же себе положение невежественного духовенства среди такой нации; не имея сил властвовать умами, лишенное человеческого образа, оно быстро сошло в то положение, в каком оно теперь. И вот оно, грязное, сальное, с испитым лицом, в минуту возрождения подымает свою голову, тянет трясущую руку, чтобы захватить клочок власти... Назад! — Всему возрождение, только не вам. Падайте молча, глубже, вы этого достойны; раз став рабами власти царской, вы должны были видеть, что свобода не для вас. Вы задуряли народ, он наказывает вас презрением — и вы бессильны. Вы меж двух огней; власть царская окрепла при вашей помощи, теперь вы ей не нужны — не нужны вы также и народу, он больше не верит вам, он привык видеть в вас грабителей и холопов царских. Прошло, говорю я, то время, когда верили, что *«самый развратный служитель бога выше святейшего мирянина»**; утратилась и сила заповеди: *«Все люди даже и сильные мира должны преклонять голову пред священником»***, — роли переменялись.

Если церковь стоит еще, то по какому-то недоразумению, не знают, что с ней делать. История давно доказала нелепость церкви, ее вред развитию государства и лица в особенности, боятся только нарушить порядок решительным ударом, да полузадуренные, отсталые массы с похмелья верят еще в какого-то бога и его будущий суд.

Грустно видеть, как иногда лучшие умы, восклицая: *«Sortons des songes! Quittons l'enfance, il est bien temps d'être des hommes»**** — силятся проснуться — и не могут; стараются смотреть своими глазами, слушать собственными ушами — и ничего не видят, ничего не слышат; перед глазами мелькает образ нового Ману, ухо все еще тревожится звуками последней трубы. Но, как бы то ни было, смерть церкви решена; ее не поддерживают даже верующие, они догадались, наконец, что и верить можно без при-

* Слова Pilichdorf'a — *Примеч. автора статьи.*

** Слова, ложно приписываемые ап. Петру. — *Примеч. автора статьи.*

*** «Оставим мечты! Выйдем из детства, давно пора быть взрослыми» (франц.).

ставов; наука делает свое и скоро вырвет из рук попов власть *вязати и решити* и отдаст ее обществу — что вы тогда будете делать, св. отцы? Но,

Все это только род вступленья.

чтобы перейти к самой книге.

II

Желание поднять духовенство русское, поставить его в независимое состояние, чтобы оно удобнее могло пасти, стричь и, по временам, резать овец стада христова — видно на каждой странице; говорит ли автор об образовании духовного юношества, об отношении ли попов к властям, помещикам, крестьянам, клиру — везде, под видом требования восстановления только человеческого достоинства, скрывается одна цель — восстановление власти. Мы не преувеличиваем нисколько; цель автора, такая, как мы ее поняли, проступает во всякой жалобе, не станем больше порицать ее, а посмотрим, осуществима ли она — духовенство русское способно ли к возрождению? Ответ прям и короток — нет. Если его западные братья, более сильные, падают с высоты, — как оно, грязное, пьяное, задавленное, ползающее, может подняться? Нет! нет! это невозможно; достаточно прочесть книгу, нами разбираемую, чтобы убедиться в этом.

Наш автор не без основания кладет много зол на долю образования духовного юношества; недостаток образования действительно погубил много сил, имевших способность развиться до того, что трудно было бы справиться с ними; но есть ли теперь хоть остаток этих сил? Где та почва, на которой вы думаете сеять ваше семя духовное? Ее вспахали и засеяли без вас таким семенем, всходы которого глушат ваше слабое, не дающее почти корня зерно. Не способ преподавания виной того, что учение не прививается, вина в самом учении. Ужели автор думает, что можно находить услаждение, освежение в катехизисе и богословии? Разве не прав ученик, скучая за этими науками, которые, кроме лжи, ничего не дают? Он стороной знает, что есть другие науки по логике, он переписывал студентам лекции, и вы думаете он, если у него есть человеческий смысл, станет после зубрить трипостасные разглагольствия ваших профессоров? Нет, он лучше переписет студенту две-три лекции, заработает деньги да и научится чему-нибудь. Переписывать интересные лекции для семинариста самая веселая работа; и тут иногда он теряет свои родовые добродетели, т. е. жадность к деньгам. Вот один случай. Я был еще студентом. Семинарист переписывал мне составленные мной начерно лекции сравнительной анатомии и физиологии; плата была хорошая, он работал скоро, но не механически, а стараясь понять, что пишет, — от этого не делал вечных ошибок; чего не понимал, принося записки, он непременно требовал растолковать, и приходилось иногда читать ему целые лекции; он внимательно слушал и легко понимал. Раз, поленившись, я не составил черновых тетрадей, моему приятелю не было работы; чтобы занять его, я дал ему переписать несколько довольно редких теперь статей И<сканде>-ра, помещенных в старых журналах, — я собирал их. Прошла неделя, приятель мой не нес статей, другая — нет; записок накопилось много, я послал за ним. На другой день он принес и, краснея, извинялся, говоря, что увлекся содержанием статей и давал их чтотом читать товарищам; книги действительно хранили следы рук многих читателей — я их опять ему отдал. При расплате за работу итог его записки не сходил с моим — мой был больше; я просмотрел его записку и не нашел там платы за переписку статей И<сканде>-ра. Я ему заметил ошибку. — «Помилуйте, я не возьму денег за эту работу — она вознаграждена удовольствием, которое я имел, занимаясь ею, а вот если вы мне дадите остальные статьи, — я скажу вам спасибо». — Такие семинаристы, конечно, не выходят попами

И от профессора богословия автор требует невозможного; разве можно читать эту науку живо, увлекательно? И прав профессор, читая ее вяло, сонно; прав и ученик, интересуясь в равной степени тем — когда жил Астиаг, и тем — действительно ли бог троичен в лицах и Мария родила в девстве. Я понимаю, чего вы хотите, но это будет противно корню вашего учения, — стало быть, невозможно. Тут уж ошибка вековая, ошибка Христа, который снес закон от бога, а не вывел его из природы человека, а этому и остается только заучивать: *«Обязанности к богу такие-то, к ближнему такие-то»*; почему — об этом не спрашивай!

«Возьмешь философию, — говорит автор. — Смешно и горько видеть, что и как преподается в семинариях под этим громким названием». Это правда, но разве можно преподавать иначе философию наряду с богословием? Разве можно говорить, как, с первых дней, эта наука пошла вразрез с богословием и до чего она договорилась? — Нет? Конечно. Пусть автор честно признается нам, как он признался в пороках своей братьи, возможно ли теперь прочное образование, если в основе его должно лежать учение, не скажу Христа, но церкви, которая имеет дерзость называться его церковью? Ответ один; если он честен, мы не станем вынуждать его у автора. Богословие, говорят, цветет на Западе; действительно, здесь учатся ему прилежно, как средству держать паству в руках. Наше духовенство на влияние рассчитывать не имеет права. Что же вы от него требуете бескорыстного изучения этой науки систематического задурения? Семинарист прав, презирая свое учение; он должен насиловать свой рассудок, чтобы усвоить себе явную ложь — ложь, не приносящую притом пользы. Кто же себе враг? И вот, споткнувшись о ложь, о сухость, гниль преподаваемых наук, получив к ним отвращение, молодой человек силится вырваться из семинарии; если он сохранил уважение к науке вообще и имеет средства, он рвется в университет; нет — он бросается в первый выход; вырвался — он счастлив, но его могут и не выпустить; отец хочет унаследить его местом, начинается борьба — и если случай не помог — не выручила смерть отца или что-нибудь подобное — он догнывает до конца курса, теряет человеческий образ, выходит, словом, таким, каким его рисует нам автор на 47-й и следующих страницах. Я спрошу автора, этот будущий служитель господа, такой, каким он его рисует, способен на что-нибудь хорошее? Обеспечение его положения остановит его от хищничества?.. Из-за чего же вы хлопочете! — Но есть и хорошие — много ли? — смеем спросить. — Да на стр. 32-й вы сами признаетесь, что таких попадается изо ста — два-три. Виноваты во всем училища. — Полно же, как ни дурны духовные училища, — мы их знаем, — но мало чем хуже светских по способу преподавания — те, однако, не выпускают таких троглодитов. Виногато, скажу еще раз, само учение, в котором, как ни верти его, нет жизни. Я не удивлю никого, если скажу, что все попы, или иереи, как их называет автор, пользующиеся уважением, не верят ни крохе того учения, которое им вбивали в голову, что они потому только и стали людьми, что забыли его и заменили верование знанием; поговорите с таким, он вам расскажет то, что иному и в голову не приходило, он вам скажет, что и он был бы человек, если бы его не жала ряса. Автор, надеюсь, спорить не станет.

III

Следим за развитием. Личинка превратилась в гусеницу — нужен корм. Семинарист, такой, каким мы его видим, посылается на место священником; входит в столкновение с приходом и причтом. Приход безнравствен, причт непокорен — заносчивость попа еще не сбита: он гремит, грозит судом Божиим — ему никто не верит; причт смеется и говорит: *«Толкуй! Знаем мы сами эти сказки»*; приход говорит, что берет пример

с их же братья, что он не первый, который начинал так, а кончал иначе, что и его надеются после обедни видеть у кого-нибудь совсем в другом расположении — и надежды сбываются, поп напоен и держит иную речь. Что ж, тут поможет независимость от прихода? Поп будет пить водку не у прихожанина, а на свои деньги в кабаке — это, конечно, лучше, но тоже несбыточно.

Дурное обращение архиереев с попами, конечно, есть следствие презрения к ним, а можно ли презирать служителей господних, если верить самому господу? — опять неверие в самой главе духовенства.

Словом, все зло, все жалкое положение духовенства, какое нам рисует автор, зависит от его полного атеизма — факт давно понятый, нечего на нем долго стоять.

Но зло велико! Много соков выжимает оно у русского народа. Чем пособить? Мы, право, затрудняемся сказать; средние моры нам не приходят в голову, когда видим надобность в крайней. Автор предлагает два средства: возвращение к *десятине* и содержание духовенства правительством. Первое так нелепо, так явно ведет к власти духовенства над мирянами, что о выполнении его и говорить нечего — счастье, что десятина выведена. Поможет ли второе? Трудно всрить, зная алчность попов.

В этих двух предложениях автора проглядывает сильнее всего стремление автора поставить свою братью в независимое положение. Его вражда против *дохода* и земледелия ведет к тому же. Доход, как налог на дары, которые вы раздаете верующим, в наших глазах естественнее, чем поголовный платеж; следует его повысить, строго, однако, определив *шахитш* и дать не только свободу вероисповедания, но и убеждений. Кто верует в вас — будет вам платить свою долю, и вы будете сыты; кому же естественнее содержать вас, как не тем, кому вы нужны? Как инструмент в руках правительства вы могли рассчитывать на поддержку с его стороны, но время прошло, и вы слишком поздно начали хлопотать. «*Незабвенному*» вы как-то снова понадобились, после переполоху, чтобы пугнуть народ, — он и хотел поддержать вас — не успел, сердечный; вы и за намерение воссылаете мольбы, что если б сделал? — у бога, чай, полопались бы барабанные перепонки в ушах.

Не понимаем, отчего автор восстает против земель, отводимых церковным служителям? Земледелие, говорит он, грубит дух, чувство — это для нас новость, такая же новость, как мнение некоторых плантаторов, говорящих*, будто *собственность развращает крестьянина*. Знает ли автор, что такие попы, каких он рисует на стр. 73, в большем уважении у крестьян, чем разглагольствующие в церкви о смирении, посте и муках ада, а потом отправляющиеся пьянствовать к помещику? Знает ли он, что крестьянин с большей охотой целует руку, пропитанную «азотом», чем ту, на которой он постоянно видит перчатки? Знает ли... Конечно, знает. К чему ж эти трогательные выходки? Жалованьем, конечно, брать спокойнее, — спору нет. Священнику нет надобности возиться самому с навозом, он может обрабатывать землю наймом; вот «*пбмочь*» так следовало бы уничтожить: священника она не развратит, вопреки мнению автора, больше того, как он развращен, уже прибегая к ней, — а крестьянину она вредна. Того, что рассказал автор об этом способе обработки церковных

* И пишущих даже — жаль, что не печатающих. Блестящая мысль эта из проекта Вяч. Пассек, проекта, представленного в Комитет харьковских дворян по делу освобождения крестьян (мы не верим Безобразову и его *улучшениям*). Мы надеемся поговорить об этом проекте; обилие поэтических мест необыкновенно; дело, как можно предполагать, не обходится без «зияющей бездны Кавказа», Севастополя, Москвы в 12 году — все это, чтобы рельефнее выставить дворянство как *оплот престола* и доказать, что *собственность развратит и погубит крестьян* — этот перещеголял и Безобразова. — *Примеч. автора статьи.*

земель, мало; он умолчал о том, по одним воскресеньям ли только сбегается «помочь». Она всегда готова; первый крестик в календаре — а в нашем их немало, — и она есть. Народ русский никогда не прочь поспрашивать; попу нужны рабочие на известный день; придравшись к крестику, поп объявляет день этот праздничным и ждет. День пришел, поп велит звонить к обедне, наскоро отхватывает ее и, собрав охотников, отправляется делать, что ему нужно. Кто тут кого развращает: крестьяне пола или поп крестьян?

Еще на один вопрос просим ответа. Как думает автор, если бы приход добровольно обязался платить попу натурой за требы, давать ему все средства жизни, с избытком даже, отказался ли бы поп от хищничества? Ответ труден. Мы поможем автору: *нет*. Мы видим примеры, что помещики помогали попам добровольно значительными средствами, прося об одном — не прижимать крестьян при требах. И что же? Так же точно за свадьбы выжималось 5—7 р., так же точно попадья являлась обирать у крестьян кур, холсты, нитки и пр., а когда помещик запрещал крестьянам давать попу что-нибудь, говоря, что сам ему платит, поп, в виде репрессалии, стал отказываться от треб — грабленное, верно, вкуснее. Если правительство назначит жалованье, будет ли лучше? Во сто раз хуже! Нет, никакие обеспечения не искоренят зла, оно будет существовать до тех пор, пока существует духовенство. Не прикидывайтесь же, святые отцы, такими несчастными; исключив все ваши позволенные и непозволенные доходы, вы имете, одними добровольными пожертвованиями, то, что далеко не заставляет вас голодать. Жадность, разбой, низость — это ваши вековые добродетели; для них лекарства нет — есть, впрочем, но... молчу.

В заключение все-таки не можем не поблагодарить автора за его книгу, за ту откровенность, с которой он указал нам в своей книге ту глубину низости и подлости, в которой ползает наше растленное духовенство, — на это нужно было много самоотвержения. Наш иерей, как новый Курций, затеял сласти свою братью и бросился в бездну — бездна закрылась за ним, но братья не спасется. Жаль, что он один бросился, — что бы уж всею братьею — соборне. Теперь всякий, начинающий сомневаться в непогрешимости попов, имеет средство укрепить сомнения; теперь, с книгой нашего автора в руках, можно идти на споры с самыми отчаянными поклонниками «*византийского бога*»; чего лучше желать — книга написана самим служителем этого бога. Но книга могла бы обойтись — и это немало для ее успеха — без подобных выходов, какие мы встречаем на страницах 18, 26, 35, 36, 72, 149 и пр. К чему такое православие? Мы уверены, что писавший хорошо понимает вещи, — к чему же это? Стыдно, право! К чему упрекать *выходцев с Запада за вражду к православию*; к чему говорить, что *служение священническое настолько выше гражданского, насколько небо выше земли* и пр.? Кто также поверит вам теперь*.

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»

Публикация Л. Р. Ланского

В шестидесятом листе «Колокола», вышедшем в свет 1 января 1860 г., Герцен поместил небольшую заметку «Академия художеств в осадном и иконописном положении» (X, 195—196). В основу этой заметки была положена корреспонденция из Петербурга, описывавшая новые порядки в Академии художеств, администрация которой усердно внедряла, наряду с византийской манерой живописи, различные мероприятия полицейского характера. Эта корреспонденция вызвала к себе сочувственное

* Конец рукописи не сохранился. — *Ред.*